

М. В. Шибает

**К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *СРАНЬ ГОСПОДНЯ*
В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

M. V. Shibaev

**ABOUT INTERPRETATION OF THE IDIOM *СРАНЬ ГОСПОДНЯ* WITHIN
THE FRAMEWORK OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE**

Данная статья посвящена контекстуальному анализу семантики и коннотаций фразеологизма *срань Господня*.

This article is dedicated to contextual analysis of semantics and connotations of the idiom *срань Господня*.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, анализ контекста речи, семантический и коннотационный анализ фразеологизма.

Key words: linguistic expertise, contextual speech analysis, semantic and connotational analysis of idiom.

«Как факты, так и суждения видоизменяются при смене контекста»

Е. Л. Доценко

Широко известно, что смысловое содержание текста не тождественно совокупности закрепленных в языке значений слов и синтаксических конструкций, из которых этот текст состоит¹. Смысл вне живой речи абстрактен, это смысловая потенция, набор вариантов, каждый из которых может быть реализован с определенной долей вероятности. Зависимость вероятности от узуса и дает нам основания полагать, что значение продуктов речевой деятельности может быть дешифровано через знание коммуникантами соответствующей языковой системы, однако здесь есть одно но: несмотря на то, что шанс появления у слова в тексте конкретного значения определяется популярностью и общеупотребимостью значения в языке, в конечном счете выбор того или иного смысла зависит от отправителя сообщения, который создает авторское толкование, и получателя, создающего новое оригинальное толкование, не идентичное первому. Семиозис в чем-то похож на мысленный эксперимент с котом Шрёдингера: пока ящик с животным заперт, кот одновременно является и живым и мертвым до тех пор, пока мы не заглянем внутрь, чтобы определить его онтологический статус. Аналогично и слово, еще не реализованное в тексте, находится в состоянии одновременной истинности всех политомичных² значений, пока не появятся коммуниканты, отдающие одному из вариантов предпочтение.

Включение в процесс смыслопорождения шифратора и дешифратора усложняет задачу анализа семантики текста, ведь она начинает детерминироваться не только языковой системой, но желаниями и устремлениями общающихся, желаниями, которые напрямую зависят от личности человека и конкретной ситуации.

¹ Взять хотя бы хрестоматийные примеры косвенных речевых актов, приводимые Дж. Р. Серлем: *Можете ли вы достать соль? или я был бы вам признателен, если бы вы сошли с моей ноги* [Серль, 1986, с. 196].

² Политомия – это термин, образованный по модели «дихотомии» и «трихотомии» (от греч. *πολύς* – многочисленный и *τομή* – деление).

Всё вышесказанное определяет значимость учета контекста³ при семантическом анализе любого текста, особенно в рамках проведения судебной лингвистической экспертизы, где неточность может быть фатальной. Отсутствие этого учета приводит к тому, что исследование семантики речевого продукта, данное, скажем, с помощью лексикографии, описывает не материал, представленный для анализа, но пример использования какой-то единицы языка некими абстрактными усредненными пользователями в некой абстрактной усредненной ситуации.

Проиллюстрируем недостатки такого подхода на примере анализа одного фразеологизма из текста нашумевшего выступления группы «Pussy Riot» в Храме Христа Спасителя. Для этой цели представим перечень типов аргументации, частотных в дискуссиях по интересующей нас проблеме:

1. **Этимолого-сопоставительный** и связанный с ним **лексикографический аргумент**. Считается, что идиома *срань Господня* пришла в русский язык на рубеже 80-х – 90-х как результат калькирования американского устойчивого выражения *holy shit* при дубляже зарубежных художественных фильмов. Руководствуясь этой информацией, некоторые люди совершают ошибку, пытаясь определить значение русского фразеологизма через его первоисточник и обращение к англоязычным толковым словарям. Схематично эту ситуацию можно описать следующим образом:

- *Срань господня* = ?
- *Срань господня* = *holy shit*
- *holy shit* = «*what a surprise or how very unpleasant*» [The Free Dictionary]
- *Срань Господня* = *какой сюрприз* или *как жаль*

Несмотря на кажущуюся простоту и последовательность, такой метод внеконтекстного исследования содержит в себе множество ошибок. Совершенно очевидно, что семантика и коннотации англоязычной идиомы не обязаны быть тождественными семантике и коннотациям ее кальки в языке русском. Анализируя *срань Господню* через *holy shit*, мы забываем об этнокультурных особенностях языка, игнорируем его связь с менталитетом и национальным самосознанием. Другими словами, если согласиться с хрестоматийным высказыванием Вильгельма фон Гумбольдта о том, что язык есть отражение духа народа [Гумбольдт, 1964, с. 88–89], то только русский дух определяет, какой смысл будет вложен в русскую речь, но никак не американский.

2. **Анализ случаев словоупотребления как аргумент**. Часто семантика составляющих речевого акта определяется через выявление наиболее частотного значения этих составляющих в других речевых актах (в ситуации $X_1 Y=Z$, потому что в ситуациях $X_2, X_3, X_4 Y=Z$). Опасность здесь кроется, во-первых, в подмене конкретного ситуативного означаемого означаемым узуальным, а во-вторых, в том, что выводимый смысл определяется исключительно той выборкой, которую использует исследователь (а она может и не быть валидной – например, вследствие предвзятости или непрофессионализма). В нашем случае, используемый корпус текстов, как правило, представляет собой тексты дубляжа американских фильмов. Здесь налицо некорректная выборка – исследуемая коммуникативная ситуация стилистически не соответствует примерам (текст песни как художественное произведение образен и метафоричен⁴, а

³ Контекста синтактики, рассматривающей отношения между знаками, и контекста прагматики, изучающей отношения знаков и тех, кто ими пользуется.

⁴ Это подтверждает и одна из участниц группы, Мария Алехина, сказавшая в одном из интервью: «Когда я работала журналистом и присутствовала на открытии Марфо-Мариинской обители, то видела, как не пускали паломников, которые не спали и со слезами просили охранников пустить их внутрь, в то время как чиновники проходили»

текст в кинофильмах – хотя и являющихся также художественными произведениями – стилизуется под устную разговорную и неподготовленную заранее речь, что, разумеется, подразумевает совершенно иную специфику бытования лексики и меньшую степень образности). Эффективным, на наш взгляд, было бы использование уже сформированного специалистами корпуса текстов, например, национального корпуса русского языка (размещенного в сети Интернет по адресу: www.ruscorgora.ru), но, к сожалению, эта идиома недостаточно частотна даже для такого крупного собрания речевых произведений – там можно встретить только один случай употребления, что, разумеется, делает невозможным статистический анализ.

3. Историко-религиоведческий аргумент. Наибольшую оформленность обрел, на наш взгляд, в позиции, озвученной священником Андреем Кураевым: «Таинств семь потому, что семь устоев человеческой личности, и их не только есть семь, но и должно быть семь, не больше и не меньше. В частности, освящаемая функция питания телесного есть таинство причащения, **освящаемая функция выделения или очищения телесного есть таинство крещения** [выделение авторское – М. Ш.], освящение же синтетической функции – соблюдение телесного равновесия, т. е. функция согревания, покрова, одежды, украшения, как выяснено раньше, есть таинство миропомазания...» (Флоренский П. А. Дедукция семи таинств. – Богословские труды. 17. М., 1977. С. 145). [...] ... культурно-исторический факт: и в мире православной мысли речение, вынесенное в заголовок данного поста [*срань Господня* – М. Ш.], не всегда считалось Богохульством»⁵ [Кураев].

Подобный подход, несмотря на кажущуюся логичность, представляется нам достаточно спорным. Исследуемая речевая единица здесь выводится из контекста современности, анализ бытования «здесь и сейчас» подменяется анализом «где-то и когда-то». К тому же лингвистичность такого исследования довольно сомнительна: объектом дискуссии выступает мыслительный концепт, философская категория, а не собственно речь.

4. Аргумент ad hominem. Строго говоря, это не аргумент, а скорее риторическое ухищрение, но частотность использования заставляет включить его в данный список. Приведем один из типичных примеров: «Молитва об избавлении страны от диктатуры и полицействующих клерикалов – нормальная дань русской православной традиции, традиции юродивого протеста против проституирования церкви и сатанизации государства. [...] Обозначение изверга и тирана Сранью Господней – корректное следование русской и европейской церковной традиции» [Ихлов].

Смысла подробно останавливаться на этом типе аргументации нет, потому что он не соответствует критериям научности. Оправдание инвектив не является для нас значимым, потому что морально-этическая сторона вопроса определяется общественным мнением и закрепляется юридически, но выведена за рамки контекста лингвистики как исследовательского аспекта.

Таким образом, перечисленные выше подходы абстрагируют объект исследования, отрицают в русле индетерминизма необходимость учета при анализе множества сопутствующих факторов и аспектов. Подобная аргументация некорректна с позиций исследования речи как продукта коммуникации и не соответствует требованиям, предъявляемым к исследованию, имеющему непосредственное отношение к области права в целом и конкретным противоправным действиям,

беспрепятственно. Именно про такие ситуации мы говорим: «срань господня». Я хочу, чтобы вы все слышали: мы говорим это про такую ситуацию» [Сидоренко, Крецул].

⁵ Здесь и далее цитаты приводятся с авторской орфографией и пунктуацией.

инкриминируемым участницам Pussy Riot: «При решении вопроса о наличии в действиях⁶ подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства» [Постановление, 2007].

Чтобы понимать, что представляет из себя конкретный речевой акт, необходимо знать, какова коммуникативная ситуация: кто является отправителем послания, каков потенциальный получатель, какие отношения их связывают, осознает ли адресант специфику декодирующих способностей адресата; нужно учитывать форму, тип, стиль и жанр речи, место совершения вербального действия, время его совершения и многие другие факторы.

Для исследуемого фразеологизма значимыми нам представляются следующие факты:

1. Адресант является языковой личностью, знакомой с особенностями общения в религиозной сфере коммуникации и религиозной культурой в целом. В пользу этого предположения говорит следующее: А. Стилизация текста под форму молитвы (которое подразумевает знакомство с этой формой). Б. Заимствование части музыки и текста из «Всенощного бдения» С. В. Рахманинова (которое подразумевает знакомство с художественными произведениями на религиозную тему). В. Знание некоторых правил невербального поведения в сакральном для верующих пространстве – храме (об этом говорит стилизация движений во время выступления под традиционные движения, связанные с православными обрядами – поклоны, крестное знамение).

2. Потенциальным адресатом являются широкие массы общественности, и это известно адресанту (видеозапись события была выложена им в общий доступ в сеть Интернет). Соответственно, говорящий не мог не осознавать, что текст его послания скорее всего будет услышан и представителями православной конфессии⁷. Из знания адресантом православной культуры (речевой в том числе) и понимания, что его слушателями окажутся носители этой культуры, следует вывод о сознательности моделирования предполагаемой реакции на свою речь путем подбора строго определенного языкового материала. Проще говоря, речедеятель должен был понимать, что его действия приведут к тому результату, к которому привели (перлокутивный эффект обиды).

3. Отсутствуют личные отношения между коммуникантами, что делает невозможным учет получателями сообщения особенностей личности отправителя, формирующих специфику его языкового кода: отправителю известно, что получатель не будет понимать авторскую интенцию, если она отличается от узуальной, и будет декодировать сообщение так, как ему привычнее. В одном из интервью участница группы Надежда Толоконникова заявила: «Мы шуты, скоморохи, может быть, юродивые, но мы не несем зла. Если фраза «срань господня» оскорбила кого-то, я приношу свои извинения, но я не имела умысла оскорбить» [Сидоренко, Крецул]. К сожалению, интервью было дано постфактум и слушатели не могли знать о таком декларативном самоопределении говорящих, соответственно, и не могли относиться к их речи некритически – так, как это принято делать в случае с подобными языковыми личностями.

4. Место говорения – храм, то есть сакральное пространство, в котором действуют особые правила речевого общения. Слова, произнесенные в церкви,

⁶ А слово, как известно, тоже является действием.

⁷ Хотя бы потому, что местом произнесения речи был Храм Христа Спасителя (см. пункт 4).

порождают коммуникативные ожидания, что речь будет вестись в рамках религиозной сферы коммуникации и по ее правилам. Нецензурная лексика здесь имеет потенциально бóльшую степень инвективности, поскольку эта сфера коммуникации связана с общественно значимой темой, посягательство на которую будет расценено очень остро. Можно также добавить, что восприятие сакральности пространства усиливается тем, что Храм Христа Спасителя – это не просто церковь, но главный, по мнению многих, архитектурный символ русского православия и символ возрождения веры после периода принудительного советского атеизма.

Последнее, что хотелось бы добавить к вопросу об анализе идиомы *срань Господня*, – это предостережение об опасности формалистского подхода к пониманию идеи неразложимости фразеологизмов. Очевидно, что даже если значение устойчивого сочетания не может быть полностью выведено из совокупности составляющих его слов, коннотации его частей влияют на восприятие целого. Обосновать этот тезис несложно, используя доказательство от противного:

1. Допустим, что фразеологизм имеет только коннотации, связанные со своим значением, и коннотации слов, его составляющих, не влияют на восприятие в целом.

2. Тогда сфера допустимого употребления фразеологизмов с нейтральным значением, в состав которых включена обценная лексика (например, *хуй проссышь что* со значениями: 1) «Неизвестно, трудноопределяемо, непонятно или необъяснимо». 2) «Невозможно понять и выразить». 3) «<О чем-л. трудноосуществимом>» [Плущер-Сарно, 2007]) не должна быть ограничена теми же рамками, что существуют для мата.

3. Мы знаем, что второй пункт неверен, потому что употребление подобных фразеологизмов в большинстве коммуникативных ситуаций будет недопустимым.

4. Отсюда можно сделать вывод, что первый пункт неверен.

Итак, если придерживаться концепции о наличии у фразеологизмов нескольких коннотационных уровней, следует признать, что на формирование восприятия людьми исследуемой идиомы влияют дополнительные эмоционально-экспрессивные значения слов *срань* и *Господня* и отношения между означаемыми и означающими этих лексем. Сакральность имени-статуса Бога противоречит низменной физиологичности идеи дефекации, традиционно рассматриваемой в большинстве современных культур как нечто постыдное. Субъективно значимое и возвышенное сталкивается с вульгарным. Здесь мы имеем дело с введением в отрицательно оцениваемый контекст/ассоциативный ряд как приемом вербальной манипуляции.⁸

Подытоживая размышления о значимости ситуативного фактора, хочется вернуться к фразе, вынесенной в эпиграф статьи: контекст как среда, в которой существует объект, определяет его сущность. К сожалению, на наши суждения об объекте влияет уже не только контекст объекта, но и имманентный контекст нашего суждения – личные привязанности, идеология, вкусы и т. п. Вопрос о допустимой степени такого влияния является открытым в социологических науках, но одно всё же очевидно: детерминирование результатов исследования личностью исследователя должно быть минимизировано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баранов, А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

⁸ «Прием речевого воздействия «введение в оценочно окрашенный контекст или ассоциативный ряд» основывается на включении объекта X во множество объектов Y, ..., Z, оцениваемых положительно/отрицательно» [Баранов, 2007, с. 180].

2. **Бахтин, М. М.** Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – М.: Русские словари, 1996. – С. 159–206. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm.
3. **Гумбольдт, В. Ф.** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / В. Ф. Гумбольдт // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 1964. – С. 85–104.
4. **Доценко, Е. Л.** Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
5. **Ихлов, Е.** Срань Господня объявила войну. – Режим доступа: <http://grani.ru/blogs/free/entries/196143.html>.
6. **Кураев, А.** К вопросу об уточнении истолкования термина «срань Господня» / А. Кураев. – Режим доступа: <http://diak-kuraev.livejournal.com/356567.html>.
7. **Левинская, И. А.** К вопросу об экспертизе действий группы «Pussy riot» / И. А. Левинская, В. Г. Узунова. – Режим доступа: <http://www.spass-sci.ru/news/detail.php?ID=300>.
8. **Национальный корпус русского языка.** – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>.
9. **Отставных, В.** Ни кощунства, ни богохульства / В. Отставных. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2012/08/06/1019342.html>.
10. **Плуцер-Сарно, А.** Большой словарь мата. – Т. 1 / А. Плуцер-Сарно. – СПб.: Лимбус Пресс; Изд-во К. Тулибина, 2007. – 392 с.
11. **Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 г. № 45 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»** // Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/11/21/sud-dok.html>.
12. **Серль, Дж. Р.** Косвенные речевые акты: [пер. с англ.] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов: сборник. – М.: Прогресс 1986. – С. 195–222.
13. **Сидоренко, Е.** «Мы шуты, мы не несем зла». Прокуроры и адвокаты категорически разошлись в оценке совершенного Pussy Riot / Е. Сидоренко, Р. Крецул // Взгляд. Деловая газета. – Режим доступа: <http://vz.ru/society/2012/8/7/592176.html>.
14. **The Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus.** – Mode of access: <http://idioms.thefreedictionary.com/holy+shit>